

КЛЭР МАКИНТОШ

КЛЭР МАКИНТОШ

ЗАЛОЖНИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М15

Серия «Психологический триллер»

Clare Mackintosh

HOSTAGE

*First published in Great Britain in 2021 by Sphere,
an imprint of Little, Brown Book Group.*

Перевод с английского *Е. Токарева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Макинтош, Клэр.

М15 Заложница : [роман] / Клэр Макинтош ; [перевод с английского Е. Токарева]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-135645-3

Беспосадочный перелет Лондон — Сидней.
Двадцать часов в воздухе.

На борту авиалайнера собрались, кажется, представители всех мыслимых и немыслимых социальных прослоек — бизнесмены, интеллектуалы, айтишники и бездельники-мажоры, консерваторы, радикалы, левые, правые, успешные люди и неудачники.

Внезапно самолет оказывается захвачен «зелеными» террористами.

А в то же самое время совсем в другом месте в заложницы попадает маленькая девочка...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Clare Mackintosh, 2021

© Перевод. Е. Токарев, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-135645-3

Посвящается Шейле Кроули

ОПЕРАТОР: Что случилось?

АБОНЕНТ: Я около аэропорта... Вижу... О, Господи!

ОПЕРАТОР: Подтвердите, пожалуйста, свое местоположение.

АБОНЕНТ: Около аэропорта. Там самолет... Он перевернулся. Очень быстро падает. О, Господи, Господи!

ОПЕРАТОР: Экстренные службы уже выехали.

АБОНЕНТ: Но они не успеют — он (*неразборчиво*). Он разобьется, разобьется...

ОПЕРАТОР: Можете подтвердить, что вы на безопасном расстоянии?

АБОНЕНТ: (*Неразборчиво.*)

ОПЕРАТОР: Абонент, у вас все нормально?

АБОНЕНТ: Он разбился, разбился вдребезги. Господи, самолет горит...

ОПЕРАТОР: Пожарные команды придут менее чем через минуту. «Скорые» тоже. С вами кто-нибудь еще есть?

АБОНЕНТ: Самолет весь дымится — он (*неразборчиво*). Господи, что-то взорвалось, похоже на огромный огненный шар...

ОПЕРАТОР: Пожарные уже на месте.

АБОНЕНТ: Я почти не вижу самолет, только дым и пламя. Поздно, слишком поздно. Оттуда никому живым не выбраться.

ПРОЛОГ

*Не беги, иначе упадешь.
Мимо парка, вверх по склону. Жди
зеленого человечка, нет, еще нет...*

Вот!

*Кот в окошке. Как статуя. Только кончик хвоста
чуть шевелится. Туда-сюда, туда-сюда.*

*Нужно перейти еще одну дорогу. Зеленого человек-
ка нет и регулировщицы тоже, а ведь должна быть...*

Смотрим вправо-влево. Нет, еще нет...

Ну!

Не беги, иначе упадешь.

*Почтовый ящик, потом фонарный столб, авто-
бусная остановка, затем скамейка.*

Большая школа, не моя. Пока не моя.

*Книжный магазин, пустой магазин, потом контора
риелтора, где продают дома.*

*Теперь мясная лавка, там в витрине висят пере-
хваченные за шеи птицы. Я зажмуриваюсь, чтобы
не видеть, как на меня тарачатся их глаза.*

Мертвые. Все мертвые.

Часть I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

8:30. Майна

— **П**ерестань, иначе упадешь!
Шедший целую неделю снег спрессовался в наледь, и подстерегающие каждый день опасности по ночам припорашивает свежим снежком. Через каждые несколько метров мои ботинки едут дальше, чем туда, куда ступают ноги, и внутри у меня все замирает, когда я мысленно готовлюсь упасть. Мы движемся очень медленно, и я жалею, что не догадалась повезти Софию на санках.

Она неохотно открывает глаза, медленно, по-совиному, поворачивая голову от магазинных витрин, и утыкается лицом мне в рукав. Я сжимаю ее обтянутую перчаткой руку. София не выносит вида птиц, висящих в витрине мясной лавки, чьи яркие перья на шее жутковато контрастируют с безжизненными глазами, которые они в свое время оттеняли.

Я тоже терпеть не могу смотреть на этих птиц.

Адам говорит, что эта фобия перешла к Софии от меня, словно простуда или какое-то ненужное украшение.

— Тогда откуда она у девочки? — спросил он, когда я стала возражать. Адам вытянул вперед руки, повернувшись к невидимой толпе, будто отсутствие ответа лишь подтверждало его правоту. — Только не от меня.

Конечно, нет. У Адама нет слабостей.

— «Сейнсберис», — произносит София, оглядываясь на магазины, когда мы отходим на безопасное расстояние от птиц. Она по-прежнему произносит это название как «*фейнбвис*», отчего у меня сладко щемит сердце. Именно эти мгновения я очень ценю, ради которых сто́ит жить.

От ее дыхания в воздухе повисают крохотные облачка пара.

— Теперь обувной магазин. А сейча-а-ас... — София растягивает слово, выжидая, когда наступит время. — «Овощи-фрукты», — объявляет она, когда мы проходим мимо. «*Овощи-фрукты*». Господи, как же я ее люблю!

Этот ритуал начался еще летом, тогда София буквально сгорала от нетерпения, так ей хотелось пойти в школу. Вопросы сыпались градом. Какая у нее будет учительница? Где они станут вешать куртки? Будет ли там пластырь, если она оцарапает коленку? *И скажи мне еще раз, какой дорогой мы туда пойдём?* Я повторяла ей снова и снова: вверх по склону, через дорогу, потом еще раз через дорогу, а затем на главную улицу. Мимо автобусной остановки около средней школы, вдоль торговых рядов, где книжный магазин, контора риелтора и мясная лавка. За угол к «Сейнсберис». К обувному магазину, потом мимо магазина «Овощи-фрукты», полицейского участка, вверх по склону мимо церкви — *и мы на месте.*

С Софией нужно иметь терпение, и это дается Адаму с трудом. Ей надо все повторять снова и снова. Убеждать, что ничего не изменилось и не изменится.

Первого сентября мы вместе с Адамом провожали Софию в школу. Взяли девочку за руки, чуть раскочи-

вая ее между нами, будто мы по-прежнему нормальная семья, и я обрадовалась появившемуся оправданию наворачнувшимся у меня на глаза слезам.

— Она побежит и сразу все забудет, — сказала тетя Мо, увидев мое лицо, когда мы выходили из дома. Вообще-то, она не тетя, а миссис Уатт — слишком пафосно для соседки, которая готовит горячий шоколад и помнит все дни рождения.

Я заставила себя улыбнуться:

— Знаю. Глупо, да?

Глупо хотеть, чтобы Адам жил с нами. Думать, будто этот день значил что-то еще, нежели игру в семью ради дочери.

Мо нагнулась и ласково улыбнулась Софии:

— Желаю тебе хорошего дня, лапочка.

— У меня платье кусается, — последовал недовольный ответ, который Мо пропустила мимо ушей.

— Оно просто чудесное, милая.

Мо выключает слуховой аппарат, чтобы сэкономить на батарейках. Когда я захожу к ней, приходится встать прямо на клумбе около окна гостиной и размахивать руками, пока она меня не заметит. *Надо было позвонить!* — всегда говорит она, словно я не давила кнопку звонка целых десять минут.

— Что дальше? — спросила я Софию в тот первый школьный день, когда мы миновали овощной магазин. Нетерпение как бы перетекало из ее ладошки ко мне в пальцы.

— Полицейский участок! — торжествующе воскликнула она. — Папин полицейский участок.

Адам работает не там, но для Софии это не имеет значения. Каждая увиденная нами полицейская машина — папина машина, а каждый полицейский в форме — папин друг.

— Потом вверх по склону.

София все запомнила. На следующий день она добавила подробностей — того, что я не видела или не заметила. Кота на подоконнике, телефонную будку, мусорный бак. Эти комментарии сделались частью ее повседневной жизни, столь же важными для Софии, как надевание школьной формы в должном порядке (сверху вниз) или стояние в позе фламинго при чистке зубов, с переменой ног синхронно с переносом щетки с одной стороны рта на другую. В зависимости от настроения эти ритуалы или чаруют меня, или же от них хочется кричать. Вот вкратце то, что значит воспитывать ребенка.

Учеба в школе ознаменовала окончание одной главы и начало другой, и мы приготовились к этому переходу, отправив в прошлом году Софию в детский сад на три дня в неделю. Остальное время она находилась со мной, с Адамом или с Катей, застенчивой, красивой няней-иностранкой, приехавшей с соответствующим количеством багажа и полным незнанием английского. В среду днем она ходила на языковые курсы, а по выходным подрабатывала упаковщицей. Через полгода Катя объявила нас чудеснейшей в мире семьей и попросилась остаться еще на год. Я поинтересовалась, не в бойфренде ли тут дело, и вспыхнувшее румянцем лицо Кати подсказало, что я права, хотя она уклонялась от ответа, кто именно ее кавалер.

Я обрадовалась и одновременно испытала облегчение. Из-за наших с Адамом рабочих графиков мы не могли полагаться на детский сад в плане заботы и ухода за ребенком, к тому же позволить себе нанять няню, как делали многие мои коллеги. Я беспокоилась, не вызовет ли неудобств присутствие в доме постороннего человека, но Катя почти все время проводила у себя в комнате, общаясь по «Скайпу»

с оставшимися на родине друзьями. Она также предпочитала есть одна, несмотря на постоянные приглашения разделить с нами трапезу, и пришлось кстати как помощница по хозяйству, протирая полы или сортируя белье до и после стирки, невзирая на мои уверения, что делать это вовсе не обязательно.

— Ты здесь для того, чтобы помогать присматривать за Софией и учить английский.

— Я не возражаю, — отвечала Катя. — Люблю помогать.

Однажды я вернулась домой и обнаружила у нас на кровати несколько пар носков Адама с аккуратной штопкой на пятках, где у него всегда появляются дырки.

— Где ты этому научилась?

Я умела лишь пришить пуговицу и подшить край одежды, хотя и непрочно, но штопка — это сфера деятельности настоящей хозяйки, а Кате еще и двадцати пяти лет не исполнилось.

Она пожала плечами, словно это пустяк:

— Мама меня научила.

— Честное слово, не знаю, что бы мы без тебя делали.

Я смогла взять на работе дополнительные смены, зная, что Катя проводит дочь в школу и обратно, а София просто обожала ее, что никоим образом не являлось некоей данностью. Катя обладала терпением, чтобы бесконечно играть в прятки, София же с течением времени стала находить все более замысловатые «укрытия».

— Я иду искать, кто не спрятался, я не виновата! — кричала Катя, тщательно проговаривая каждое новое выученное слово, прежде чем начинать красться по дому, выискивая спрятавшуюся Софию. — В ящике с обувью? Нет... Может, за дверью ванной?

— По-моему, это рискованно, — заметила я, когда дочь сбежала вниз и торжествующе объявила мне, что Кате не удалось найти ее, свернувшуюся калачиком на полке в сушильном шкафу. — Не хочу, чтобы ты пряталась там, где можешь застрять.

София бросила на меня сердитый взгляд, прежде чем убежать на «матч-реванш» с Катей. Я махнула рукой. Мой отец столь же часто упрекал нас с Адамом за то, что мы пылинки с дочери сдуваем, сколь и я настоятельно просила его не вмешиваться в воспитание ребенка.

— Она упадет, — твердила я, с замирающим сердцем глядя на то, как после его уговоров София лазила по деревьям или они вместе переходили по камушкам широкий ручей.

— Вот так и учатся летать.

Я понимала, что отец прав, и боролась с желанием относиться к Софии как к маленькому ребенку. К тому же замечала, что она буквально расцветала после каждого приключения и обожала, когда с ней обращались, как с «большой девочкой». Катя сразу это поняла, и они быстро привязались друг к другу. Способность Софии приспосабливаться к переменам, особенно в людях, продолжает развиваться, отсюда и мое облегчение, когда Катя попросила остаться. Я боялась последствий ее ухода.

Катя внезапно уехала в июне, лишь через несколько недель после своей просьбы остаться у нас, когда я только-только начала расслабляться. Лицо ее было в красных пятнах и блестело от слез. Катя торопливо собирала вещи, швыряя в чемодан одежду, еще чуть влажную после сушилки. Что-нибудь с бойфрендом? Она отводила взгляд. Или я что-то не так сделала?

— Я сейчас же уезжаю. — Вот и все, что Катя сказала.

— Прошу тебя, что бы то ни было, давай это обсудим.

Катя замялась, и тут я заметила, что она покосилась на Адама. В глазах у нее мелькали обида и боль, а я едва успела повернуться, чтобы увидеть, как Адам покачал головой, словно молча велел ей что-то.

— Что происходит? — спросила я.

Адам как-то пошутил, что в случае размолвки между Катей и мной ему придется встать на сторону более молодой женщины.

— Не так-то легко найти замену хорошей няне, — произнес он.

— Забавно.

— Только не говори, что не поступила бы так же. Я притворно скорчила гримасу.

— Ну, и что? — спросила я.

Они поругались, это ясно, но из-за чего? Из общих точек соприкосновения у них была только София, если не считать детективных драм, которые Адам обожал, а я терпеть не могла. Лишь они могли заставить Катю выйти из своей комнаты субботним вечером. Если я не работала, то вместо сидения перед телевизором отправлялась на пробежку и возвращалась, одолев десять километров, как раз к последним титрам и окончанию их обмена критическими замечаниями.

Но из-за детективных драм никто не ругается.

— Его спросите! — резко бросила Катя, и я единственный раз увидела ее не в радостном настроении. Снаружи погудела машина — ее такси до аэропорта, — и Катя наконец посмотрела мне в лицо. — Вы прекрасная женщина. Вы не заслуживаете подобного.

Внутри у меня что-то раскололось, будто треснул ледок на краю замерзшего озера. Мне захотелось шаг-

нуть назад, чтобы лед сомкнулся, но было слишком поздно.

Когда Катя ушла, я повернулась к Адаму:

— Ну?

— Что — ну?! — отрывисто бросил он, словно мой вопрос и само мое присутствие раздражало его. Как будто я во всем виновата.

Я сосредоточилась на взгляде, которым они обменялись, на красных от слез глазах Кати и ее скрытом предостережении. *Вы не заслуживаете подобного.*

— Адам, я же не дура. Что происходит?

— С кем?

И снова еле слышное «тьфу», прежде чем он откликнулся, словно голова Адама была занята другим, чем-то более серьезным, а я отвлекла его на всякие пустяки.

— С Катей, — ответила я так, как иногда общаются с иностранцами. Я испытала ощущение, будто вторглась в чужую жизнь, словно этот разговор из тех, которые раньше мне никогда не нужно было заводить, о каких я и не думала.

Когда Адам отвернулся, чтобы заняться чем-то совершенно ненужным, я заметила, как его шея покраснела. Истина явилась мне, будто ответ на вопрос в кроссворде после того, как газету выбросили, и с моих губ сорвались слова, которые мне не хотелось произносить:

— Ты спал с ней.

— Нет! Господи, нет! Боже мой, Майна, ты именно это подумала?

Раньше Адам не давал мне даже малейшего повода для подозрений. Он любил меня. Я любила его. Я изо всех сил старалась говорить ровным тоном:

— А что мне еще остается думать? Между вами явно что-то произошло.

— Катя по всей кухне разбросала разноцветную глину для лепки. Я на нее наорал. Она приняла это близко к сердцу, вот и все.

Я глядела на Адама и слушала его неуклюжее откровенное вранье.

— Ты мог бы, по крайней мере, сочинить нечто более правдоподобное.

Нежелание Адама напрячься и придумать убедительную «отмазку» причиняло почти такую же боль, как и его вранье. Неужели я так мало для него значила?

С отъездом Кати наша семья дала трещину. София пришла в ярость, и горечь от внезапной потери подруги выразилась в разбитых игрушках и изорванных картинках. Она винила во всем меня по той лишь причине, что именно я все ей рассказала, и мне понадобилось мобилизовать силу духа, чтобы не объяснять дочери, что виноват Адам. Мы с ним ходили кругами: я — колючая и резкая, он — молчаливый и полный напускного негодования, нацеленного на то, чтобы заставить меня засомневаться. Я держалась стойко. Если Катя была своего рода кроссвордом, то теперь, разгадав его, я поняла, что ответы лежали на поверхности. Многие месяцы Адам уклончиво отвечал, когда именно у него выходные, и был весьма осторожен с телефоном, беря его с собой в ванную, если принимал душ. Я была круглой дурой, что ни о чем не догадалась гораздо раньше.

— Вверх по склону, — произносит София. — Потом церковь, затем...

Я слишком поздно сжимаю руку, пальчики дочери выскользывают из моей ладони, ноги ее разъезжаются в стороны, и она стучается затылком о тротуар.